

*Письма себе,
или
разорванная связь*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЕКАТЕРИНА ЖУКОВА

18+

Екатерина Жукова Письма себе, или разорванная связь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55302345

SelfPub; 2025

Аннотация

Не судите меня строго, не пытайтесь логически понять. Я сама себя не понимала. Я не выбирала такую жизнь, но она была именно такой. Предполагаю, что не каждому из вас захотелось бы побывать на моем месте.

Человеку свойственно ошибаться – это именно то, что я умела делать лучше всего.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	22
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Екатерина Жукова

Письма себе, или разорванная связь

Пролог

Он молился Богу, но служил только дьяволу.

Два выстрела, две отнятые жизни. Ему не впервой. Заметив движение сбоку, он быстро повернулся и направил пистолет на вошедшего в комнату.

– Да ты что?! Карен, убери!

Мужчина быстро спрятал пистолет. Впервые он не знал, как поступить. Жажда власти велика, но готов ли он отнять еще и эту жизнь? Есть ли в этом необходимость?

Он сделал немало, чтобы стать тем, кем стал. Ушли годы, прежде чем он обрел желаемое. Он тот, кто несет в мир несправедливость и боль. Власть и деньги как смысл жизни. Теперь у него есть и то и другое, но по-прежнему нет чувства удовлетворения. Внутри всегда пусто!

Конечно, он понимал, что большинство из тех, кто сидит за этим праздничным столом, его боится. Да, они подчиняются ему, но в любой момент каждый из них может предать

его. Сейчас у него есть сила, и они делают вид, что уважают его, а что будет завтра – неизвестно. В его мире нет гарантий, что новый день не станет последним. Он привык так жить. Кажется, его уже ничто не пугает. И абсолютно точно, что он не остановится ни перед чем.

Хрупкая девушка в зеленом платье со светлыми рассыпанными по плечам волосами играла на фортепиано. Ее длинные пальцы ловко бегали по клавишам, и он не мог оторвать от нее взгляд. Девушка еще ни разу не посмотрела в его сторону, но он уже понимал, что она сумела проникнуть в его каменное сердце.

– Кто она? – легким жестом руки мужчина указал на девушку.

– Не знаю. Вижу ее впервые.

– Узнай.

Стоя в пустом храме, мужчина смотрел на пламя свечи, которую только что зажег. Осознание того, что сейчас он бессилен, вводило его в состояние тотального отчаяния. Он не привык быть слабым, никогда таким не был. Ранее он не знал сожаления, теперь – сожалел. Невозможно вернуть время назад и что-то изменить. Самое удивительное, что его не волновали поступки, которые он совершал. Его тревожило чувство вины перед ней – всепоглощающее и разъедающее изнутри. Он так и не смог ее защитить, чувствовал, что уже никогда не услышит ее смех. Понимал, что в этой игре он

проиграл!

Мужчина вышел из храма и посмотрел на небо. Свинцовые тучи проливали свои слезы. Он проклинал небеса! Ему казалось, что кто-то наверху все видит. Почему же они не вмешиваются? Он знал, что его молитвы не будут услышаны. Он уже давно утратил право быть услышанным. Пришла пора платить по долгам. Для него расплата за грехи – это воплощение в реальность того, чего он боялся больше всего на свете.

Тяжелые капли дождя безжалостно падали на его лицо, покрытое черной щетиной. Одежда промокла. Только это его не беспокоило. Он думал только о ней! Желал найти ее живой!

Глава 1

Наши дни

«Odi et amo» – «Ненавижу и люблю»

Дочитав последнюю строчку, я осознала, что мой фальшивый мир рухнул навсегда, рассыпался словно карточный домик. Уже никогда не будет как прежде. Жестокая правда! Хотела ли я ее знать?! Нет, не хотела! Но теперь знаю! И изменить, вернуть все назад уже невозможно. Зачем, зачем я только открыла эту коробку? Это словно ящик Пандоры. Для меня все никогда уже не станет прежним!

Мой розовый мир разлетелся на куски!

Когда я была маленькой девочкой, думала, что особенная и достойна всего самого лучшего. Я очень долго жила в иллюзиях! Мой дом был театром, а родители – актерами. Я даже не подозревала, что есть другой мир. После смерти мамы я поняла, что все вокруг ложь, а мой отец – чудовище. Я люблю его и ненавижу одновременно. Узнать, кем он является на самом деле, стало для меня полной неожиданностью и тотальным разочарованием. В тот день что-то во мне умерло навсегда. Образ любимого отца приобрел совсем другое воплощение. В шестнадцать лет я увидела настоящую жизнь. Вернее, ее вид с другой стороны – изнанку, так сказать. Что тогда я знала о такой жизни? Ничего! Мир, где царит наси-

лие, смерть, грязные деньги, наркотики, и, конечно, безграничная власть. То, что показывают в кино, о чем можно прочесть в книгах, и вдруг все это становится твоей реальностью! Я не хотела всего того, что со мной произошло и происходит сейчас, но мне не дали право выбора. Я дочь человека, у которого лишь только человеческий облик, души у него, по-видимому, нет!

Моя мать разбилась на машине, не дожив одну ночь до моего шестнадцатилетия. С тех пор я ненавижу свой день рождения. Через пару месяцев после похорон я нашла в ее вещах коробку. В ней хранились ее дневники, которые она вела с тех пор, как переехала жить в Москву. Я хочу, чтобы того дня не было в моей жизни! То, что я прочла, меня шокировало и потрясло, наверное, в каком-то смысле даже сломало. Мне невероятно сложно подобрать нужные слова, чтобы описать весь спектр своих чувств. Оказывается, я никогда не знала свою мать по-настоящему! Ей пришлось умереть, чтобы это произошло. Иногда я перечитываю то, что она написала, и осознаю, насколько я была слепа, раз не видела и не понимала столь очевидных вещей.

«...я живу в золотой клетке с человеком, которого люблю и желаю до сумасшествия, но мои чувства не приносят мне счастья. Я знаю, кто он, чем занимается. Его руки в крови! Он жесток! Для него нет преград в достижении целей. Я ложусь в постель с мужчиной, для которого человеческая жизнь не представляет ценности. Он тот, кого бо-

ятся и уважают, кого проклинают и ненавидят, и он тот, кому подчиняются, даже если отчаянно этого не хотят. И больше всего на свете я боюсь его потерять...»

Дикость какая-то! Но то, что мой отец сильнее всего в жизни любил мою мать, оспорить невозможно. Настолько сильно любил, что отгородил ее от внешнего мира, спрятав только для себя.

– Что ты пишешь?

Я подняла глаза на отца и сразу ответила:

– Так, ничего особенного.

Ложь – это обычное дело в нашем с ним общении. Он лжет мне всю мою жизнь, а я ему – с шестнадцати лет. Все по-честному: он мне, я ему – равноценный обмен, я считаю.

– Учеба вроде уже закончилась, а ты так сосредоточено что-то строчишь. Даже интересно стало.

– Пап, так... ерунда всякая.

Между нами больше нет той теплоты и близости, что была до смерти мамы. Теперь между нами непреодолимая пропасть. Холод и лед, подчинение и повиновение. Я делаю вид, что не знаю, чем он на самом деле занимается, и вроде как ничего не замечаю, а он делает вид, что верит мне. Только каждый из нас понимает, что на самом деле происходит.

Иногда я не в силах себя контролировать и срываюсь, делаю что-то выходящее за рамки, но, конечно, получаю свое наказание очень быстро и снова оказываюсь отрезанной от мира. Возможно, я даже уже привыкла жить, словно в плену.

Так оно и есть! Я не могу пойти куда хочу. Поехать в город можно только с водителем и телохранителем, предварительно получив разрешение отца. В наш дом вхож узкий круг лиц. Во дворе охрана. Нет свободы, как будто нет воздуха – я задыхаюсь. Несколько раз мне удавалось убежать, обманув охрану, но они всегда очень быстро меня находят и возвращают в золотую клетку. Далее следует наказание. Отец умеет привести в чувство, и все становится только хуже. Убежать нельзя! Отца опасно злить. После моих выходов он лишает меня возможности выезда в город даже с телохранителями, забирает телефон и ноутбук – тотальный запрет на любое взаимодействие с внешним миром. Такая жесткая изоляция началась после гибели мамы. До ее смерти я гораздо больше находилась на людях, с охраной, конечно, но все же. После того как мама умерла, отца словно перемкнуло, и он стал очень категоричен. В школу с охраной, вуз заочно, по магазинам только в сопровождении его псов!

– Я уезжаю, возникли проблемы. К ужину не вернусь. Не лежи на солнце долго – сторишь.

Отец не говорит, он – приказывает! Такого раньше не было. Когда была жива мама, он был другим. Тогда он для меня был идеалом, любимым и любящим папочкой. Сейчас он черствый и пустой. Я не знаю, что чувствую по отношению к этому человеку. Предполагаю, что все же еще люблю, но и ненавижу. Мечтаю избавиться от его присутствия и давления в моей жизни, и в то же время мне его жаль. Совершенно

непонятные эмоции. Вот уже на протяжении нескольких лет я пытаюсь понять, кем теперь он для меня стал? Прочитав мамины записи, я узнала о реальной жизни отца и ужаснулась. А ведь я его дочь – дочь демона в человеческом облике, причем довольно привлекательном.

– Я хотела поговорить с тобой о поездке. Ты сказал, что вечером поговорим. Этот вечер никак не может наступить уже четвертый день.

– Алла, ты не видишь, что я занят?! Мне нужно ехать. О поездке не может быть и речи.

Он развернулся и быстро направился в дом.

– Папа, – я вскочила с лежака и поспешила за ним. – Почему? Ты же обещал. Я свое обещание сдержала – закончила универ, а ты своих слов не держишь!

Внутри все заклокотало от протеста и понимания того, что надежда снова пустая – ожидания не оправдались!

– Алла! – он повернулся. Отцу не понравилось, что я сказала. – Образование нужно не мне, а тебе. Ты, наверное, забыла.

– Мне не нужно это образование, оно для тебя.

– У меня нет времени это слушать. Ты не понимаешь, о чем говоришь.

– Зачем мне образование, если я не могу выйти из дома и устроиться на работу? Твои амбалы таскаются за мной повсюду! Это сумасшествие какое-то! Не жизнь, а тюрьма!

Я перешла на повышенный тон. Отец не любит, когда ме-

ня заносит, но в последнее время я стала неуправляемой даже для самой себя. Эмоции становятся все сложнее контролировать.

– Мы поговорим об этом позже. Мне нужно торопиться. Как всегда, было приятно с тобой пообщаться.

В отчаянии я выкрикнула:

– Я ненавижу тебя! – и в этот момент я не лгала.

– Я тоже люблю тебя, милая. Намажься кремом, плечи уже сторели.

Отец вошел в дом через двери террасы, а я осталась стоять как вкопанная. Слеза покатилась по щеке, за ней и другая. Ничего не приносит радости! Меня душит этот мир!

Вчера вечером я слышала, как отец говорил по телефону: подожгли один из его ломбардов. Сегодня, видимо, тоже что-то случилось. Все это говорит о том, что из дома я выйду не скоро. Если у него возникли проблемы, то это значит, что охрану усилят, выезд за покупками будет запрещен, и сидеть мне у этого бассейна до второго пришествия.

Ненавижу отца, этот дом, чертов бассейн и свою поганую серую жизнь! С каждым днем я все больше и больше понимаю мать. Подозреваю, что и мне, чтобы дойти до ручки, осталось недолго. Я схожу с ума от безысходности!

Между матерью и отцом была безумная страсть и неземная любовь. Только вместе с этими прекрасными чувствами в ее жизнь пришло и разочарование. Да, она с самого начала знала, что мужчина, с которым она встречается, непрост, но

то, кем он является на самом деле, и какая жизнь ждет ее впереди, стало для нее большим сюрпризом. Жизнь взаперти, тотальный контроль, отсутствие возможности заниматься делом, которое так любила. Клетка хоть и золотая, но без нормального взаимодействия с окружающим миром она кажется тюрьмой.

Сколько себя помню, в нашем доме всегда находились люди, которые его охраняли, и никогда нельзя было просто куда-то пойти или поехать, как обычный подросток. Чье-то сопровождение было обязательным для выхода за пределы дома. Я ни разу не ездила в Москву без охраны. Да, я никогда ни в чем не нуждалась: лучшие игрушки, дорогие вещи, репетитор на дому. Я владею двумя языками, отлично играю на фортепиано, хорошо начитана, да и в целом разносторонне развита. Только для чего все это, если ты затворник? Я живу, бесконечно листая ленту социальной сети, а реальной жизни – нет. Потому что мне нельзя! Я думаю, отец боится, что меня похитят или убьют. Он не говорит об этом напрямую, но это и так понятно.

Мать жила в бесконечных ожиданиях, что что-то изменится, веря пустым обещаниям отца. Он клялся ей, что обязательно выйдет из криминального круга, и они начнут жить обычной жизнью. Она надеялась, что однажды так и будет. Они поженились, когда ей было девятнадцать, а ему – тридцать четыре. Случайная встреча навсегда изменила ее жизнь. Молодая, красивая девушка опрометчиво залетела в золо-

тую клетку, но выбраться из нее уже не смогла. Быть может, просто не захотела?! Она писала, что ту страсть, которая возникла между ними, невозможно побороть.

На момент знакомства моих родителей отец уже успел узнать, что такое тюрьма не понаслышке, но этот неприглядный факт его биографии маму не отпугнул. Она была его полная противоположность – невинная, творческая, летающая в облаках. Чистая душа встретилась с темной. Судьба свела их, когда мама играла в ресторане, в котором подрабатывала вечерами. В этом ресторане он отмечал свое повышение. Конечно, это было не просто повышение по служебной лестнице, в *их* мире это называется по-другому. Далее последовали бурный роман, незапланированная беременность и скорое замужество. Маме пришлось отказаться от своей мечты, бросить учебу и отдать всю себя ему. Отец мечтал о сыне, но родилась дочь. У мамы был отрицательный резус фактор, поэтому выносить еще одного ребенка она так и не смогла. Отец отчаянно хотел сына, но у мамы случилось три выкидыша после того, как я родилась. Быть женой такого непростого человека оказалось серьезным испытанием: слезы, истерики, страхи, запреты, разбитые надежды и разочарование.

Я не помню того дня, когда она умерла. Странно, но несколько дней словно выпали из моей памяти. Смутно припоминаю ее похороны. Сколько ни пыталась, не могу вспомнить тот момент, когда я узнала о ее смерти. Будто пазл вы-

пал из общей картинки.

Хотя мое детство значительно отличалось от детства обычной девочки, я стала об этом задумываться только в подростковом возрасте. Когда я была маленькой, просто не понимала, что происходит вокруг, считая, что все так и должно быть. Я даже не замечала, что жила в иллюзиях и лжи. Только после смерти мамы все прояснилось. Теперь-то я понимаю, что татуировки на теле отца сделаны не в армии, а в местах не столь отдаленных, в которые попадают за «особые заслуги» перед обществом.

Я вернулась к лежаку, забрала письмо, которое написала, и пошла в свою комнату.

После того как я прочла дневники мамы, стала писать для себя. Только я не веду дневник, а пишу письмо себе. Потом я заклеиваю его в конверт и кладу в коробку, которая спрятана в моей гардеробной. В этих конвертах хранятся мое безмерное одиночество, боль и разочарование. Туда же я складываю остатки надежды на то, что когда-нибудь освобожусь и смогу жить нормальной жизнью. О том, что я пишу письма себе, отец, конечно, не знает, как и не знал, что мама вела дневники, в которые успела записать всю свою жизнь. Кстати, он не в курсе, что я все знаю! Я не смогла рассказать – испугалась. И сейчас его боюсь. С тех пор как прочла о том, кто он на самом деле, я стала очень наблюдательна. Прекрасно понимаю, что если отец сочтет нужным запереть меня в доме на всю жизнь, то он с легкостью воплотит это в реаль-

ность. Поэтому в большинстве случаев я ему подчиняюсь. Только иногда повиноваться ему становится мне не под силу. Вспыльчивый характер и неустойчивая психика дают о себе знать. Несколько раз я устраивала побеги. В основном первые пару лет после смерти мамы. Пыталась затеряться в ночных клубках, напивалась. Отец четко дал понять, чем для меня это может закончиться. Объяснил очень доходчиво! Так что теперь я возмущаюсь, даже психую, но больше не убегаю – боюсь. Да и некуда бежать! Хотя Москва город немаленький, но в нем мне не скрыться. Для отца здесь все прозрачно, все схвачено, все куплено.

День, другой, третий – моя жизнь словно день сурка. Ничего не радует. С отцом мы больше не говорили. У него опять начались какие-то серьезные проблемы, и дома он почти не появляется. А когда у него не было этих проблем?! Но сейчас происходит что-то масштабное – я подслушала. У отца сгорело два ломбарда, и, судя по всему, это далеко не все. Просто я не в курсе всего происходящего. Странно, но если быть честной с самой собой, то скажу, что мне, в общем-то, все равно. Пусть даже сгорит все, что ему принадлежит – мне абсолютно плевать. Последние два месяца для меня стали особенно тяжелыми. Я не могу так больше жить! Долгое время я надеялась, что когда окончу учебу, отец ослабит контроль, со временем отпустит меня, но ошибалась. Я планировала путешествовать. В Европе мне не грозит никакой опасности, и там я могла бы быть свободной, хотя бы на какое-то время.

Только отец меня обманул! Уверена, он и не собирался никуда меня отпускать. Эти пустые обещания были даны для того, чтобы я не бунтовала и снова не сбежала, а окончила учебу. Я даже визу сделала, чемодан купила. Дура! Такими же сладкими обещаниями отец кормил и маму, убеждая ее, что скоро они будут жить обычной жизнью. Она не верила ему, но делала вид, что верит. Надеялась, но осознавала, что надежда пустая. Это вам не из банка уволиться, с должности отца можно уйти только одним путем – ногами вперед! Другого-то пути и нет!

Хочу ли я и дальше так жить, как живу сейчас? Нет! У меня айфон последней модели, но позвонить мне некому. У меня одежда и обувь из самых дорогих магазинов Москвы, но выгулять ее мне некуда. Я молода и красива, но показать себя мне некому. Иногда, стоя перед зеркалом, я задаю себе множество вопросов: смогу ли я когда-нибудь в своей жизни познать настоящую любовь, почувствовать себя свободной и живой, быть для кого-то самой желанной и желать самой? Я в этом не уверена! Между моими родителями была любовь, но в то же время власть отца не сделала маму счастливой. Та грань, за которую он перешел практически сразу, полностью подчинив ее жизнь своим законам, сделала мать несчастной. Что ждет меня? Именно этот вопрос я задаю себе все чаще и чаще.

Мама была русской, отец наполовину армянин. Кровь смешалась, и получилась я. Мне досталась довольно привле-

кательная внешность, и я это прекрасно осознаю: правильные черты лица, пухлые губы, карие глаза и длинные густые темные волосы. Я похожа на маму, только брюнетка со смуглой кожей. Мама же была блондинкой.

Я снова весь день провела у бассейна. Просидела там до самых сумерек. Заходя домой, я столкнулась с отцом. Он пошел в гостиную, и я последовала за ним. Мое эмоциональное состояние за последние дни достигло своей критической отметки, и я опять начала нежеланный для отца разговор.

– Я хочу поговорить.

– Слушаю тебя, – отец снял пиджак и бросил его на диван. Сел и вальяжно облокотился на его спинку.

Я же предпочла беседовать стоя: наверное, осознавала, что в гостиной не задержусь, поскольку наш разговор будет коротким. В общем-то, мы с отцом практически не разговариваем. Все наши диалоги довольно лаконичные, по существу, не более того.

– Ты должен понять меня. Так дальше не может продолжаться. Пап, я больше так не могу. Мне тяжело, – слезы навернулись на глазах.

– Алла, ты опять взялась за свое нытье? – его всегда раздражают такого рода беседы.

– Ты считаешь нормальным тот факт, что твоя дочь живет взаперти?

– Алла, очнись. Ты ведь уже немаленькая и давно поняла, что твой отец не просто бизнесмен. Ломбарды, ресторан –

это ничто по сравнению с другими моими делами! Ограничения для тебя – необходимые меры безопасности! – он повысил голос.

– Мне плевать на твои дела! Я хочу свободы. Больше не могу так жить. Папа, прошу, позволь мне уехать и жить своей жизнью. Или ты хочешь, чтобы я, как мама, в отчаянии напилась и разбилась на машине?!

Слова о матери всегда срываются, как красная тряпка для быка. Папа не выносит, когда я говорю о ней. Он сразу раздражается и никогда не поддерживает разговоры на эту тему.

– Да проснись же ты! – он закричал на меня настолько громко, что от неожиданности я даже вздрогнула. – Ты понятия не имеешь, как на самом деле умерла твоя мать! – отец резко замолчал.

– Я тебя не поняла.

– Я не могу допустить, чтобы с тобой сделали то же, что с ней. Я не смог уберечь ее, – он замолк.

Впервые слышу от отца такие откровения. Я жаждала правды:

– Папа?

– Иди к себе.

– Нет!

– Алла, разговор окончен, – он значительно понизил тон.

Отец явно сорвался, сболтнул лишнего. Он встал с дивана и подошел к панорамному окну. Стал ко мне спиной, давая

понять, что говорить со мной больше не намерен, но я была не готова отступить. Только не в этот раз!

– Скажи мне, как на самом деле умерла мама?

– Тебе не нужно этого знать. Иди спать.

– Тебе не кажется, что я имею права знать?

Он продолжал молчать. Пауза затянулась.

– Прошу тебя, расскажи мне, пожалуйста.

– Ты возненавидишь меня за это, – он практически прошептал эти слова.

Я тоже ответила шепотом, но он отлично меня слышал.

– Я и так тебя ненавижу. Прошу, расскажи мне.

Холодная тишина между нами. Я часто говорю отцу, насколько сильно ненавижу его и хочу освободиться от его присутствия в моей жизни. Хотя до смерти мамы я говорила, что сильно люблю и очень скучаю по нему, когда его долго не бывает дома. Думаю, ему больно слышать, что родная дочь его ненавидит. Только мне почему-то все равно. Даже наоборот, я хочу сделать ему больно хотя бы словами, настолько, насколько это возможно в принципе. Слова – единственное, что я могу себе позволить, и я не отказываю себе в этом скромном удовольствии.

Я уже не надеялась услышать ответ, когда он очень тихо заговорил:

– Мы поссорились. Я остался в кабинете, а она, хлопнув дверью, ушла. Я думал, что она пошла в спальню, но ошибся. Лариса взяла мою машину. Охрана выпустила ее за воро-

та, предполагая, что это я выезжаю. Я смог найти ее только спустя двадцать семь часов. Ее изнасиловали и убили. Алла, иди к себе в комнату! Из дома ни ногой!

Ледяной холод пробежал по спине. Кажется, мне нечем дышать! Горькое отчаяние окутало душу, и лишь стук моего беспокойного сердца напоминал, что я еще живу. Отец не повернулся, но по его интонации было четко понятно – разговор закончен. Да и я больше не могла произнести ни слова. Перед глазами все поплыло. Я с трудом поднялась по ступеням. Не помню, как дошла до комнаты. Дальше – пустота!

Глава 2

Иногда надежда может быть пыткой, от которой ты постепенно сходишь с ума.

Следующие два дня я не выходила из своей спальни. Я просыпалась и снова засыпала. Не было сил даже встать с кровати.

Несколько раз ко мне приходила помощница по дому, уговаривала поесть. Я не смогла. Даже говорить с ней не стала. Наринэ работает в нашей семье с тех пор, как поженились родители. Она армянка. Недавно ей исполнилось сорок пять. Она очень красивая и ухоженная женщина. Ее муж тоже работал в нашем доме. Два года назад он умер. Детей у них нет. Наринэ всегда обо мне заботилась. Я доверяю ей, хорошо к ней отношусь, но после разговора с отцом мне нужно время, чтобы прийти в себя, и общение даже с ней в тягость. Думаю, Наринэ знала, как на самом деле умерла мама, просто молчала. Она очень исполнительная женщина и всегда выполняет все поручения отца. Наринэ совсем немногословна. В ее глазах живет грусть, но у нее очень доброе сердце. Наринэ умеет видеть то, что простым людям не под силу. И еще она всегда знает то, что будет. Только она не спешит хвастаться своими способностями, лишь иногда намекая на события, которые ожидают впереди. Не знаю, как она это делает, но уж если она что-то и скажет, то так оно и произойдет. Порой

я спрашиваю ее, когда закончится мое заточение, и она отвечает: «*Надо ждать*».

Лаконично. Сколько ждать? И чего именно? Ждать, когда умрет отец? На эти вопросы она не отвечает. Но я уверена, она знает ответ. По ее взгляду понятно. Наринэ – особенная женщина, но она скромна в своих высказываниях. Иногда это немного раздражает – хочется знать будущее.

Отец тоже ко мне заходил, что-то говорил. Я не помню, что именно. Со мной случился полный ступор!

На третий день отец снова пришел в мою спальню. Он сел в кресло напротив моей кровати.

– Чего ты добиваешься?

Он старался быть спокойным, но я понимала, что его злит мое поведение. Мне нечего было ему сказать. Думаю, отцу все же не стоило быть со мной столь откровенным. Теперь я это понимаю.

– Я задал вопрос!

– Ничего, – я тихо ответила, продолжая смотреть в одну точку на ковре.

– Ничего – это пустое место. Я хочу, чтобы ты привела себя в порядок и спустилась к завтраку. Жду тебя за столом. Будь добра сделай одолжение.

Отец встал и вышел из комнаты.

Я сделала, как он велел. Как бы я ни сопротивлялась, но в результате все равно делаю так, как он скажет. Мать тоже так делала!

За столом мы не разговаривали. После завтрака отец ушел к себе в кабинет, а я поднялась переодеться в купальник.

Когда я спускалась по лестнице, услышала, как отец говорил по телефону:

– Ты можешь приехать с ним. Нет, он не помешает. Позже объясню, не по телефону.

Я тихо спустилась и прошла к бассейну. Отец меня не заметил.

У меня даже не было сил плавать. Состояние, когда тебе не хочется больше ничего. Я просто сидела на лежаке и смотрела на воду. То чувство, когда ты понимаешь, что, кажется, начинаешь сходить с ума от тоски и одиночества.

Приблизительно часа через два ко мне подошел отец.

– Оденься. На обед будут гости.

– Что за гости?

– Коля приедет.

– Тоже мне гости! Я не буду с вами обедать.

Сегодня я не была настроена с кем-либо общаться. Дядя Коля – мой крестный, друг отца и по совместительству его преданный пес. Предполагаю, что ради отца он сделает все что угодно.

– Я так не думаю, – отец развернулся и направился к дому, снова дав мне понять, кто здесь хозяин. Неожиданно на ходу он произнес: – Кстати, Коля будет со своим племянником.

– Не поняла?!

– Иди оденься, за столом увидишь.

Отец ушел в дом. Я же пребывала в некоем замешательстве. Понятия не имела, что у дяди Коли есть племянник. Слышала, что у него есть сестра, но она живет за границей. Возможно, это ее сын? Иногда я думаю, почему такой мужчина, как дядя Коля, по ту сторону закона? Глядя в его мудрые глаза, никогда не подумаешь, на что на самом деле он способен, хотя я толком этого и не знаю. Пока я не узнала, чем они с отцом занимаются, я очень хорошо к нему относилась. Сейчас мне сложно определить, как я к нему отношусь. Испытываю довольно смешанные чувства. Сколько себя помню, дядя Коля всегда был вхож в наш дом. Он вдовец. У него есть сын Артур. Ему около тридцати. Артур очень мрачный и неприятный тип. Он тоже работает на отца. Я стараюсь его избегать. Не знаю почему, но с самого детства терпеть его не могла. Он всегда на меня пялился, но никогда ни о чем особо со мной не говорил. Артур молчун по натуре, но очень вспыльчивый. Он сидел в тюрьме. Там и приобрел мерзкий шрам на правой щеке. От него веет опасностью и жестокостью. В двадцать лет он попал в тюрьму, но отсидел, кажется, около года. Мой отец держит его при себе, так что периодически мы все же видимся. Хотя внешне Артур и похож на своего отца – такой же высокий, крепкого атлетического телосложения, с карими глазами, но характер у него совсем другой. Когда общаешься с дядей Колей, не понимаешь, что он делает в криминальном мире. Для Артура же там самое место. Он будто демон в человеческом облики. Хотя

я не видела его в деле, но не сложно предположить, что грязную работу он выполняет с легкостью. Не удивлюсь, если он даже получает от этого удовольствие. Наверное, он даже не считает, что марает свои руки. Его душа такая же черная, как и душа моего отца. Они словно из одного ада вышли.

Я не стала переодеваться, накинула прозрачную накидку на купальник и пошла в гостиную. Без сомнений, отец не одобрит мой внешний вид, тем более что у нас гости. Однозначно появляться за столом в купальнике-бикини, едва прикрытым тонким шелком, – неприлично. Только мне уже плевать! Что еще он может со мной сделать?! С каждым днем я все сильнее погружаюсь в то состояние, в котором мне становится все равно, что со мной будет.

Войдя в гостиную, я сразу же привлекла внимание мужчин, уже сидевших за накрытым столом. Одного из них я видела впервые – брюнет, на лице легкая небритость, на подбородке небольшая ямочка. По возрасту, думаю, ближе к тридцати. Он был в белой рубашке, а на его левой руке красовались крупные дорогие часы. В целом мужчина приятный, но я взглянула на него лишь мельком и даже с ним не поздоровалась.

Я прошла и села за стол.

– Привет, красавица, – крестный улыбнулся, и я ему в ответ.

– Привет.

По лицу отца было заметно, что он очень недоволен моим

внешним видом. Я же, собрав всю свою наглость, делала вид, что не замечаю его раздражения. В последнее время мне все приятнее и приятнее выводить его из себя. Пусть даже такими мелочами, но все же это лучше, чем ничего.

– Как у тебя дела?

– С каждым днем все хуже и хуже, – я взяла стакан и сделала глоток воды с лимоном. Всегда пью именно такую воду.

– Алла, мне кажется, я просил тебя переодеться.

Холодный тон отца ясно давал мне понять, что за свое поведение я буду наказана. Наверное, отнимет телефон. Пофиг! Если не могу выпросить свободы, значит, буду бесить его сколько смогу. В нашей семье не принято сидеть за столом в полуголом виде, но, похоже, я уже перешла ту грань, где способна полностью осознавать последствия данных выходов. После смерти мамы моя психика значительно расшаталась, и довольно часто я совершаю необдуманные, а порой глупые поступки. Иногда сама себя не могу понять. Случаются такие моменты, когда я совершенно не способна себя контролировать – срываюсь. Бывает, что потом я даже об этом жалею, но ничего изменить не могу.

– Я не хочу переодеваться, – я ответила, даже не посмотрев на отца. Это было глупо, очень глупо! Так с ним говорить нельзя! Непозволительная роскошь с моей стороны, за которую придется дорого заплатить, и в этом я даже не сомневаюсь.

– Встала и вышла из-за стола! – отец был категоричен, тон

– ледяным.

Остальные мужчины молча наблюдали за нашим диалогом, не вмешиваясь в процесс общения отца с дочерью.

– Как скажешь, – я поставила стакан и вышла из-за стола. – Приятно было повидаться, – эти слова были сказаны крестному.

Нет сил! Больше не могу себя сдерживать! Я вернулась к бассейну. Теплые слезы полились по щекам. Все! Это конец. Безмерное, всепоглощающее чувство одиночества и безысходности захватило меня целиком. Ощущение вечной темноты в душе и нежелание принять действительность. Я чувствую себя оторванной от мира. Люблю отца, но ненавижу его гораздо сильнее. Ненавижу за то, что он отнял у меня маму, лишил возможности жить нормальной жизнью, втянул в свою грязь. Порой мне кажется, что я желаю ему смерти. Ведь именно она и даст мне свободу. Свободу от него!

– Как водичка?

Ему-то что здесь надо? Пришел позлорадствовать. Я молча посмотрела на него и поплыла к противоположному концу бассейна. Желания общаться с незнакомцем – нет. Кто этот мужчина? Что из себя представляет? Понятия не имею. За столом он не проронил ни слова. Наверное, такой же мурак, как и Артур. Я доплыла до конца бассейна, и мне пришлось развернуться и поплыть в его сторону. Каково же было мое удивление, когда этот тип начал раздеваться! Он аккуратно положил свои вещи на лежак, остался в черных бок-

серах, тем самым продемонстрировав мне свое спортивное тело. Мужчина прыгнул в бассейн, естественно, обрызгав меня.

Он вынырнул и самодовольно мне улыбнулся.

– Эй! Осторожнее!

– Надеюсь, я тебя не сильно обрызгал?

– Да пошел ты!

Определенно, он еще хуже, чем Артур. Тот хотя бы молчит и на рожон не лезет. Этот вообще, судя по всему, без тормозов. Незнакомец проплыл несколько метров под водой, очевидно желая похвастаться умением плавать. Терпеть не могу таких мужчин! Явно самодовольный и наглый тип. Наверное, в зеркало рассматривает себя часами. Я демонстративно отвернулась и поплыла в противоположную от него сторону.

– Ты чего такая вредная?

В его речи прослеживался легкий акцент. Он точно не москвич.

– Не твое дело.

– Наверное, на солнце перегрелась, – он усмехнулся и поплыл рядом.

– Наверное.

Проплывая мимо меня, он вроде бы случайно, но понятно, что специально, слегка обрызгивал меня. Это стало напрягать:

– Эй, аккуратнее можно?

Незнакомец посмотрел мне в глаза, и на его губах появилась улыбка.

– Что ты сказала?

– Я сказала, что тебе, наверное, уже пора.

– Тебе что, воды жалко?

– Ладно. Уйду я.

Я подплыла к бортику и вылезла из бассейна.

Мужик меня взбесил своим бесцеремонным вторжением на мою территорию, брызгами и наглой ухмылкой. Не знаю, что на меня нашло, но меня реально занесло. По своей натуре я очень эмоциональна, вспыльчива и не скрою, иногда могу совершать очень необдуманные поступки. Вот и в этот раз меня накрыло. От промелькнувшей мысли внутри я сделала сальто. Действительно, почему бы не показать этому типу, кто здесь хозяин?! Я остановилась у лежака с его вещами и крикнула ему:

– Хорошего плавания!

Он посмотрел на меня. Я сгребла все его вещи в охапку и подошла к краю бассейна. Незнакомец молча наблюдал за моими действиями. Было видно, что я его удивила.

– Не забудь свои вещи.

– Ты не посмеешь.

– Он еще сомневается, – я высокомерно улыбнулась и бросила одежду в бассейн, туда же я закинула его модные туфли.

– Стерва!

Я видела, как в полете в воду из кармана брюк выпал его

телефон и опустился на дно бассейна. Плевать. Плевать мне на всех! Терять все равно уже нечего!

Я бросила на ходу:

– Приятно было пообщаться.

Быстро пошла в дом. На глазах навернулись слезы, и стало так погано на душе.

Что такого он мне сделал? Почему я так поступила? И откуда это сумасшедшее желание крушить все вокруг? Ненавижу! Ненавижу отца! Ненавижу свою жизнь! Ненавижу этот гребаный дом-тюрьму!

– Алла явно не в себе. Что между вами произошло?

– Я рассказал ей, как на самом деле умерла Лариса.

– Зачем ты это сделал?

– Мне пришлось. Я почти уверен, что она снова хочет бежать. Возможно, подробности смерти Ларисы ее остановят.

Между мужчинами воцарилась тишина. Их связывают годы. Они понимают друг друга с полуслова, даже с одного взгляда. Это настоящая мужская дружба, проверенная чередой событий, испытанная болью и кровью, и она истинная. Однажды судьба свела мужчин вместе, и один из них спас другого, сделал все что мог, чтобы помочь. Другой не остался в долгу, оплатив годами преданной службы, хотя и не был готов заплатить *такую* цену.

– Не смотри на меня так. Я и сам понимаю, что не должен был. Жалею, что сорвался. Алла совсем поникла. Не знаю,

что с ней делать. По-моему, в этот раз я перегнул палку.

– Ты уже давно ее перегнул. Девочка с ума сходит.

– Не знаю, как оградить ее от всего этого дерьма. Что, по-твоему, я должен сделать? Позволить ей шататься по Москве и ждать, пока ее выебут и выкинут в реку?!

В воздухе повисла гробовая тишина. Мужчины знали, о чем говорят, и каждый из них понимал, что реальность их дней такова, что от *таких* событий они не застрахованы.

– Ее нужно вывести из страны, хотя бы на какое-то время. Чем быстрее, тем лучше, и чем дальше, тем идеальнее.

– Я уже думал об этом. А учитывая последние события, нужно что-то срочно предпринять.

– Хочешь Артуру поручить?

– Нет. Алла его на дух не выносит, будет психовать. Еще, не дай Бог, смотается.

– Тогда кто?

– Это ты мне скажи, кому я могу доверить самое дорогое, что у меня есть?

– Никому.

Глава 3

Чувствую, что мне не хватает того, кого я никогда не встречала. Вопрос в том, встречу ли я его когда-нибудь?!

– Алла, проснись! Вставай!

Отец включил верхний свет в комнате. Я села в кровати.

– Пап, ты что?

– Быстро собирайся.

– Куда?

– Ты уезжаешь.

– Что случилось?

– Алла, я сказал быстро, – отец закричал на меня. Было видно, что он реально не в себе. Абсолютно понятно, что случилось что-то серьезное.

– Да встаю я уже. Не надо так орать.

– Просто оденься, и мы уходим.

– Что происходит?

– Ты не слышала? Оденься, я сказал!

– А вещи?

– Алла, через две минуты, чтобы была внизу. Нет времени собираться.

Отец не потрудился ничего мне объяснить. Он даже не дал мне возможности взять хоть какие-то вещи. Словно собаку в машину загрузили и повезли.

Мы поехали в аэропорт. Со мной находились водитель и

три охранника. Отец остался дома. Он сказал, что в аэропорту меня встретит человек, с которым я вылечу из страны. Куда? С кем? Отец даже паспорта мне не дал, не доверяет. Охраннику отдал мои документы.

Наверное, меня не просто понять, но тот, кто не жил такой жизнью, тот никогда не поймет, что я чувствую. Я словно домашний питомец: у меня нет воли, делаю только то, что скажет хозяин. Жить по команде не так-то уж и легко. Отцу плевать на мои чувства, а на мои мечты и желания – тем более. Если честно, то я рада покинуть свой дом. Не знаю, что произошло. Определенно, ничего хорошего. Мне уже все равно! Если я никогда больше не увижу отца, буду только счастлива!

Разочарование не заставило себя ждать:

– Нет, только не это.

Незнакомец стоял у стойки регистрации и был вполне доволен собой:

– Привет.

– Это что, месть такая?

– Типа того.

Больше мы не говорили. Охрана сопровождала нас до паспортного контроля.

Как отец мог так со мной поступить?! И почему он доверил меня именно этому типу? Я ведь даже имени его не знаю!

Пока мы проходили досмотр, друг с другом не разговаривали. Как только попали в зону дьюти фри, он обратился ко

мне:

– Пойдем, купишь себе, что тебе нужно. Имей в виду, времени мало, скоро объявят посадку.

Отец не дал возможности собраться, и у меня с собой ничего не было. Я ушла из дома в джинсах и футболке, прихватив только легкую кофту. У меня нет даже денег и телефона. Мои паспорта у этого типа. Я словно рабыня, которую перевозят за границу. Я решила ни в чем себе не отказывать и стала наполнять корзину косметикой: духи, тушь, крема и так далее, совершенно не ограничивая себя. Я даже на цены не смотрела. Он молча все оплатил.

Уже в самолете я не выдержала:

– Почему Стамбул?

– Потому что я там живу.

– А с кем буду жить я?

Он слегка улыбнулся и застегнул ремень безопасности:

– А сама-то как думаешь?

– Поверить не могу, – я прошептала эти слова, но он услышал.

– А придется.

Я застегнула ремень и отвернулась к окну иллюминатора. Да, худшего подарка отец преподнести мне не мог. Жить с мужиком, имени которого даже не знаю. Учитывая наше предыдущее общение, можно с полной уверенностью сказать, что выстроить нормальные отношения будет невозможно. Очевидно, что кидать его вещи в бассейн было большой

ошибкой.

Как только мы приедем на место, я постараюсь от него спрятаться. Это я умею. Только мне нужно выкрасть свои документы и еще, конечно, деньги. Думаю, это не будет проблемой. Он один, охраны нет, поэтому смею предположить, что уже очень скоро я буду свободна как ветер. Я убежала не раз. Если уж отцовскую охрану мне удавалось обвести вокруг пальца, то этого самца проведу в два счета. Мои паспорта и деньги – это миссия номер один. А там прощай заточение, навсегда! Затеряться в Стамбуле будет легко. Потом вернусь в Россию, но только не в Москву, и наконец-то наступит долгожданная свобода. Ах, это сладкое слово – свобода! Кажется, мне улыбнулась удача! Внутри все ожило, появилась надежда. Я закрыла глаза и погрузилась в размышления о побеге. Самолет оторвался от земли, и я полетела в новую жизнь.

– Просыпайся, – он слегка коснулся моей руки, и я сразу же проснулась.

В процессе посадки и получения багажа мы не разговаривали друг с другом вообще. Вели себя словно незнакомцы. Все действия на автомате: он – идет, я – следом. Лишь только, когда мы сели в такси, я не выдержала и спросила:

– Я точно буду жить с тобой?

– Да.

– Почему отец выбрал тебя?

– Наверное, потому, что он сразу понял, что мы пола-

дим, – он улыбнулся мне.

– Смешно. Очень, – я посмотрела в окно.

Какой же он все-таки заносчивый и высокомерный тип! Ну ничего, от его улыбки не останется и следа, когда я смо- таюсь от него, а мой папаша оторвет ему башку. Жаль, что я этого не увижу.

Я не могла отвести глаз от вида за окном. Всегда мечта- ла путешествовать, но никогда не имела такой возможности. Когда была жива мама, иногда мы ездили на отдых. После ее смерти мы с отцом были на море всего два раза. Это был совсем не тот отдых, о котором я мечтала. Мы останавли- вались на закрытой вилле, считай, что Подмосковье. Только вместо бассейна – море. Разница едва ощущалась. Сейчас же я предчувствовала, что мое путешествие будет значительно отличаться от предыдущих поездок.

Спустя минут тридцать пути я решила задать вопрос:

– Еще долго?

– Нет, минут через пятнадцать будем на месте.

Вид за окном становился все интереснее, и мое настрое- ние приподнималось.

– Где ты живешь?

– В смысле?

– Ну, что за район, как называется?

– Ты ранее бывала в Стамбуле?

– Нет.

– Тогда о чем тебе может сказать название района?

– Просто интересно. Это такой сложный вопрос? Почему нельзя нормально ответить?

Он улыбнулся:

– Бешикташ¹.

– Что?

Он усмехнулся:

– Ты просила сказать название.

– Мне слышалось ты выругался.

Он снова усмехнулся:

– Бешикташ – район, в котором я живу.

– Это что, квартал, где живут неблагополучные семьи?

Звучит как-то не очень.

Он засмеялся:

– Да, очень неблагополучные. Тебе не повезло, у меня нет бассейна.

– Замечательно, а что хоть есть?

– Есть терраса.

– Да, перспективы не радужные.

– Что поделать, тебе придется потерпеть. Принцессе на горошине нужно где-то жить.

Он явно был доволен собой, чем сильно меня раздражал:

– Почему отец выбрал тебя? Чем ты заслужил его доверие?

– Сам удивляюсь.

Такси остановилось. Мы не договорили.

¹ Бешикташ (тур. *Beşiktaş*) – коммерческий и культурный район Стамбула.

Машина припарковалась у очень красивого пятиэтажного дома прямо на побережье пролива Босфор. Сразу видно, что район шикарный. Засранец меня обманул. Район, в котором он живет, явно престижный. Мы проезжали красивые здания, рестораны, отели. Думаю, недвижимость здесь недешевая.

В принципе те вещи, в которые одет незнакомец, и его дорогой чемодан уже говорят о том, что он обеспеченный человек. Логично предположить, что и квартира у него нормальная.

В лифте я снова с ним заговорила:

– Ты лгун.

– Это еще почему?

– Ты сказал, что район дерьмовый.

– Я этого не говорил, ты сама так решила. Я тебе не нравлюсь, и по твоим убеждениям все, что связано со мной, должно быть дерьмовым. Я прав?

– Ты близок к истине.

Я отвернулась. Надменный тип. Как с ним жить-то?

Как только мы вошли в квартиру, я не смогла сдержать улыбки. Он заметил:

– Не так плохо, да?

– Вполне.

Квартира шикарная, светлая, с огромными панорамными окнами и потрясающим видом на Босфор. Большой коридор соединялся со стильно обставленной гостиной, которая

плавно переходила в кухню-столовую в белых тонах. В целом это довольно большое пространство. Справа от входа – две двери, предполагаю, там спальни. Слева от кухни тоже есть дверь.

Незнакомец сразу прошел к террасе, открыл раздвижные двери, и свежий влажный воздух ворвался в квартиру. Я последовала за ним и попала на сказочную террасу. Никогда в жизни не видела ничего подобного. Его терраса оказалась большой и уютной. На полу по периметру стояло несколько кашпо с цветами, а в центре – стол с плетеными креслами. Но изюминкой, конечно, был вид на соленые волны Босфора. В небе парили две чайки, а по набережной прогуливались люди. Кругом много зелени. От этого вида мне захотелось жить, надеяться, верить, да просто дышать.

У меня возник вопрос, который я не могла не озвучить:

– А охрана?

– Какая охрана?

– Охрана будет?

Он облокотился о поручни и посмотрел на меня:

– Нет.

– Как это?

– Так это. Тебе никто не говорил, что ты довольно странная?

– А тебе, что ты не можешь нормально общаться?

– Я не могу общаться? – он усмехнулся, и его усмешка была высокомерной. – Ну да. Ты первая, представляешь?

– С меня хватит! Отдай мои паспорта, и я уйду.

– Ага, сейчас.

– Ты меня бесишь.

– Взаимно.

– Идиот.

Он изменился в лице. Заговорил строже:

– Так, закрой свой красивый рот, сядь в кресло, и мы поговорим спокойно.

– Спасибо, постою.

– Как знаешь. Во-первых, следи за языком, я не твой друг, чтобы со мной так разговаривать. Во-вторых, совместное проживание с тобой мне нравится не больше, чем тебе. Просто я не смог отказать, пришлось тебя приютить, но это только на время. Так что будь добра не наглей, а то назад к папочке поедешь первым же рейсом.

– Да не проблема!

– Помолчи, пожалуйста, я не все сказал. Ты, может, не в курсе, предполагаю, что тебя забыли проинформировать: жизнь твоего отца в опасности, соответственно, твоя тоже. Ночью ко мне в гостиницу приехал дядя и очень просил взять тебя с собой. Он сказал, оставаться в Москве тебе опасно. У меня нет охраны, она мне не нужна. О том, что ты здесь, никто не знает. Так что не думаю, что тебе что-то угрожает. Главная опасность – в тебе самой. Сделай одолжение, не наделяй глупостей! Надеюсь на твое благоразумие. Днем, пока я нахожусь на работе, посидишь дома, а вечером бу-

дем вместе выходить. Будешь себя хорошо вести, покажу тебе Стамбул. Отдохнешь, погуляешь, когда у твоего отца разрешатся проблемы, вернешься домой. Только, пожалуйста, смени тактику поведения, я не привык к такому общению и терпеть не стану. Поняла? Доступно объяснил? Если есть вопросы, задавай.

– Где моя комната?

– Как выйдешь с террасы – вторая дверь налево. Там гостевая спальня.

Я молча развернулась и ушла. На глазах навернулись слезы. Да, он не сказал ничего обидного, но сама суть в том, как он произносил свои слова, и как я их восприняла. Мне было неприятно. Пребывание в его квартире для меня унижительно. Он сделал одолжение, его попросили, ему пришлось...

Спальня, которая мне досталась с барского плеча, выполнена в светло-голубых тонах. Приятным бонусом был небольшой балкон с боковым видом на Босфор. На балконе стояли столик и два плетеных кресла. Мне понравилась комната. В целом можно смело сказать, что владелец квартиры обладает хорошим вкусом.

Я облокотилась о поручни и стала смотреть на пролив. Сложно поверить, что рядом нет охраны и отца. Это совершенно другой мир. Я испытывала странные смешанные чувства. С одной стороны, я довольна, что меня выпустили из клетки, но с другой стороны, лететь-то некуда.

Он сказал, что будет ходить на работу, значит, у меня по-

явится возможность найти свои документы. Но это только в том случае, если у него нет сейфа. К сожалению, что-то мне подсказывает, что он у него однозначно есть. Квартира шикарная, стильно обставлена, все новое – здесь точно должен быть хотя бы маленький сейф. Это плохие новости. Но ничего, я что-нибудь придумаю. Неожиданно меня осенило: я живу с человеком, чьего имени даже не знаю. Я вообще ничего о нем не знаю! Кроме того, что он, должно быть, неплохо зарабатывает и не бандит, раз ему не нужна охрана. Уже неплохо. Всю свою жизнь я находилась под присмотром и даже не представляю, каково это выйти на улицу без сопровождения. Смотря вниз на прохожих, я подумала о том, что мне доставляет удовольствие просто наблюдать за людьми. В соседнем здании на первом этаже расположен ресторан, и с балкона хорошо видны столики, стоящие на улице. Люди обедали и общались. Они живут такой жизнью, о которой я мечтаю уже много лет. Я все еще надеюсь на свободу. Все еще надеюсь.

Когда я вошла в прилегающую к спальне ванную комнату, чтобы принять душ, меня ждал неприятный сюрприз. Там были унитаз, душевая кабина, две раковины и дверь. Приоткрыв ее, я оказалась в спальне хозяина квартиры. Поверить не могу – у нас общая ванная. Ну за что мне это? Как такое возможно? На две спальни одна ванная комната! Новости не порадовали. Это было бы пол беды, если бы двери закрывались изнутри. Но нет! Незнакомец сэкономил на замках. Ни

одна дверь не закрывается ни с какой стороны. Класс! Что, табличку будем вешать: «Занято»?!

Расстроенная я сняла одежду и встала под душ. Надеюсь, у него хватит воспитания не войти. В конце концов, шум воды-то он услышит.

После того как я приняла душ, вспомнила, что мне совершенно не во что переодеться. Я жутко устала. Бессонная ночь, перелет, да еще и этот высокомерный тип – все это вымотало. Голая я легла под одеяло и сразу уснула.

Я проснулась от легкого прикосновения к руке.

– Извини, что разбудил, – его слова прозвучали тихо.

В комнате было светло. Незнакомец стоял в рубашке и брюках.

– Ты вчера уснула, и мы не обсудили детали. В холодильнике полно всякой еды, в кабинете много книг, есть русский канал. Я тебя закрою, так что на улицу только через балкон. Пятый этаж – ты помнишь? Не советую делать глупости. Вернись не раньше вечера – много работы. Будь как дома, но не забывай...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.